

Парадоксы идентичности с *ἄθεος* и *religio*
в религиозно-философских дискуссиях современной России*

© 2021 г. Е.И. Аринин^{1**}, В.С. Глаголев^{2***}, Н.М. Маркова^{3****}

^{1,3} Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
Владимир, 600000, ул. Горького, д. 87.

² Московский государственный институт международных отношений (Университет)
МИД России, Москва, 119454, пр. Вернадского, д. 76.

** E-mail: eiarinin@mail.ru

*** E-mail: glagolev101465@outlook.com

**** E-mail: natmarkova@list.ru

Поступила 30.06.2020

Религия и атеизм рассматриваются с позиций философского религиоведения как социальные феномены и преемственные традиции, периодически определяемые и переопределяемые в локальных контекстах как собирательное множество разнородных форм, преемственно восходящих к контекстам греко-римской культуры, стоящим за терминами «*ἄθεος*» и «*religio*». Анализируются эксплицитные и имплицитные характеристики этих кросс-культурных и трансисторических символизаций нормативных образов «подлинных сил бытия», дистанцирующихся от различных «маргиналий» и «девиаций», конструируемых на разных этапах развития глобальной цивилизации в локальных центрах, включая Россию. Лексема «*ἄθεος*» рассматривается в спектре коннотаций от трагической «брошенности богами» до героического энтузиазма «отрицания ложных образов богов». Лексема «*religio*» показана в диапазоне коннотаций от «ужаса перед зловещими знаменами» до «ликующего почитания законных богов», ведущего к гармонии с высшими силами природы (Цицерон). Разделяются институциональные и элементарные феномены «религиозности» и «атеистичности», которые определяются не в свете традиционных различий «веры» и «разума» или «сакрального» и «профанного», но через дистанцирование «неизвестного» и «известного» (Н. Луман). Человечество всегда создавало «умозрительные миры» (магию, миф, религию, философию и науку), где «неизвестное» символически презентовалось как надежда на коммуникацию с «таинственными акторами», которая переживалась как «радость» и «ликование», в случае «поддержки», либо как «разочарование» и «плач», в случае «отсутствия такой помощи».

Ключевые слова: религия, атеизм, философия религии, философское религиоведение, социальные феномены.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-9-152-162

Цитирование: Аринин Е.И., Глаголев В.С., Маркова Н.М. Парадоксы идентичности с *ἄθεος* и *religio* в религиозно-философских дискуссиях современной России // Вопросы философии. 2021. № 9. С. 152–162.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00935.

Paradoxes of Identity with ἄθεος and *religio* in Religious Studies Discussions of Modern Russia *

© 2021 Evgenyi I. Arinin^{1**}, Vladimir S. Glagolev^{2***}, Natalia M. Markova^{3****}

^{1,3} Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov,
87, Gor'kogo str., 600000, Vladimir, Russian Federation.

² MGIMO University, 76, Vernadsky pr., 119454, Moscow, Russian Federation.

** E-mail: eiarinin@mail.ru

*** E-mail: glagolev101465@outlook.com

**** E-mail: natmarkova@list.ru

Received 30.06.2020

From the perspective of philosophical religious study, religion and atheism are viewed as social phenomena and legacy periodically defined and redefined in local contexts. Historically and in modern spiritual culture, they are a collective set of heterogeneous forms ascending to the Greco-Roman cultural context of the terms “ἄθεος” and “religio”. Explicit and implicit characteristics of these cross-cultural and trans-historic symbolizations of normative images of true forces of being are analyzed as disconnected from various marginalities and deviations constructed at different stages of global civilization development in local centers, including Russia. The lexeme “ἄθεος” is viewed in the spectrum of connotations from the tragic abandonment by gods to the heroic enthusiasm of the denial of false images of gods”. The lexeme “religio” is shown in the range of connotations from horror of ominous signs to the jubilant veneration of legitimate gods leading to harmony with the supreme forces of nature (Cicero). Institutional and elementary phenomena of religious commitment and atheism are separated and defined in the light of distancing unfamiliar and familiar rather than by traditional division of faith and mind or sacred and profane (N. Luhmann). Man has always created speculative realms (magic, myth, religion, philosophy, and science) where the unknown was symbolically presented as hope of communication with mysterious actors, experienced as joy and jubilation in the case of support, or as disappointment and weeping in the case of absence of such support.

Keywords: religion, atheism, philosophy of religion, philosophical religious studies, social phenomena.

DOI: 10.21146/0042-8744-2022-9-152-162

Citation: Arinin, Evgenyi I., Glagolev, Vladimir S., Markova, Natalia M. (2021) “Paradoxes of Identity with ἄθεος and *religio* in Religious Studies Discussions of Modern Russia”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 9 (2021), pp. 152–162.

Конгрессы российских исследователей религии фокусируются на разных общих темах, а очередной форум, посвященный проблематике отношений религии и атеизма в XXI в., оказался отложен по причине вторжения COVID-19 в нашу жизнь. Актуальность такой темы подтверждает реакция российских массмедиа на отношение ряда религиозных сообществ к пандемии, описываемое в семантике двух альтернативных подходов. Первый из них близок риторике советской «пяtilетки безбожия» (1932–1937),

---

* The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-011-00935.

представляя происходящее как борьбу «мракобесия» и «науки». Второй же возвращает читателей к лексике «Соборного уложения» (1649 г.), противопоставляя «спасительную веру» – «гибельному безбожию». Особенности данных манифестаций современной социальной реальности требуют обстоятельного философско-религиоведческого анализа, позволяющего выявить специфику утвердившегося в России с конца XX в. «проправославного консенсуса» [Каарийнен, Фурман 1997, 35–52]. В этом контексте представляются парадоксальными результаты социологических исследований трех последних десятилетий, показывающие, что хотя, с одной стороны, до 70% опрошенных россиян относят себя к «православным», но, с другой, только около 3% из них отмечают, что соблюдают Великий пост [Русс 2015 веб].

Эти данные актуализируют необходимость исследования терминологической корректности описания идентификационных предпочтений наших сограждан, поскольку некоторые из них, отнеся себя при опросах к «православным», могут не соблюдать нормативные практики данной традиции, тогда как другие, наоборот, причислив себя к «атеистам», утверждают, что считают себя при этом «православными», активно отмечая церковные праздники. Сходные парадоксы, однако, отнюдь не новы, они присутствуют, к примеру, в истолкованиях учения Эпикура, которого исследователи называли как «материалистом», так и «христианином до Христа» [Шахнович 2000, 3]. Н. Луман писал, что любые парадоксы демонстрируют «открытое будущее», требуя изобретения новых способов описания изучаемого феномена [Луман 2012, 207]. Такое «переопределение» требуется и для того, чтобы корректно истолковать отсутствие ожидаемого единства убеждений и практик (если не их прямую дивергенцию) у наших сограждан, сочетающих в своем образе жизни «атеизм» и «православие».

1. Парадоксы религиозности

Еще писатели и философы XIX в. отметили присутствие в российском обществе таких социальных явлений, как «бурсаки-атеисты» (Н.Г. Помяловский, «Очерки бирсы» 1863 г.), «семинарист-атеист» Ракитин (Ф.М. Достоевский, «Братья Карамазовы», 1880 г.) и «практический атеизм» тех, кто проявляет «гордое стремление... поставить себя как безусловно независимое начало своей жизни» (В.С. Соловьев, «Оправдание добра», 1897 г.). Такая ситуация представлялась им настоятельно требовавшей исправления в условиях социально-политической реальности той эпохи, в которой статус «первенствующей и господствующей» вплоть до начала XX в. имела только вера «Православная Восточная Грекороссийская» (согласно «Своду Законов Российской Империи» 1832 г.).

В эти же годы стало складываться академическое понимание феномена «атеизма». Последним, согласно «Энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона», следует считать «отрицание существования Бога или мнение, что наше представление о Боге как о высшем существе или как о нравственном порядке вещей не есть нечто реальное или существующее в действительности»; при этом отмечалось, что «понятие о Боге в разные времена и у разных народов бывает весьма различное», а многочисленные обвинения в атеизме, известные из истории, «основывались лишь на чисто субъективных взглядах»; в качестве примеров приводятся взгляды Анаксагора, Сократа, первых христиан, Спинозы, Фихте, Шеллинга и Гегеля и одновременно подчеркивается, что все они отнюдь не отрицали «самого существования Бога» [Атеизм 1890, 415–416]. Термин «атеизм» здесь использован для описания глобального кросс-исторического социального феномена, в котором смешивается целый спектр разнородных социальных явлений от признанных судом преступными случаев публичного «безбожия» до «субъективных взглядов» на начала бытия, порой выступающих как героический энтузиазм «ревнителей истинного знания», готовых с риском для жизни отвергать стереотипные представления о «высших силах», – то есть всех тех, кто дерзал осмеивать, переосмысливать или отрицать установленные нормы отношений к этим «силам».

Такие охранительные нормативные идеалы, сложившиеся в древности, сегодня распространяются с помощью новейших технологий в Интернете. Там можно прочитать, что «атеизм (от греч. *ἄθεος* – “безбожный”, “безбожник”) – это 1) направление философии, отрицающее существование Бога; 2) безбожность, отрицание Бога», которые «можно рассматривать и как одну из форм самоубийства, так как атеисты сознательно отвергают Бога – Источник жизни» [Атеизм web]. Данные формулировки, отвечающие историческим нормам утверждения религии, начиная с текста «Codex Theodosianus» (438 г.), в котором объявлялась преступной принадлежность к «безбожным» иудеям, язычникам и еретикам, сегодня выглядят по меньшей мере односторонними, поскольку парадоксальные реалии современности иногда описывают, помимо прочего, в качестве специфического феномена «бедной веры» (М.Н. Эпштейн, «Религия после атеизма», 2013 г.).

2. Между «grand theory» и «grounded theory» феноменов религиозности и атеистичности

Публикации о «религии» и «религиозности» являются актами коммуникации и проектами, стремящимися осуществить синтез как минимум двух типологически разных «языков». «Язык первого порядка» (далее – Я1) содержит термины, символически представляющие интуитивно очевидное для автора «личное» и «мгновенное» описание обсуждаемого феномена в повседневном общении «лицом-к-лицу», фиксируясь сегодня в комментариях, блогах и т.п. «Язык второго порядка» (далее – Я2) представляет собой систему аналитических суждений профессионала, стремящегося дать «безличное» и «вневременное» описание тех же реалий с позиций некоторой всеобъемлющей «grand theory» или более гибкой «grounded theory». Так, в рамках Я2 своей школы Платон предлагал одну из первых классификаций ряда социальных феноменов, собирательно обозначаемых словами *ἄθεος* («безбожный», «Апология Сократа», 26с), *ἀσεβής* («нечестивый, кощунственный», «Законы», 885в–910d) и близкими к ним лексемами. Через 700 лет римский император Юлиан напишет про «нечестивых... безбожных галилеян» (*ἀσεβείς... ἄθεοι Γαλιλαίοι*), проповедь и деятельность которых, однако, в те же годы трансформировала *Pax Romana* в *Pax Christiana*. Пройдет еще 1400 лет – и Феофан Прокопович, архиепископ господствующего в Российской империи «вероисповедания», отметит присутствие в обществе своего времени людей «высокого разума и учения», увлекшихся «аеистским умышлением» («Разсуждение о безбожии...», 1730 г.), а его младший современник Давид Юм будет считать, что каждый человек может испытывать «приливы и отливы» религиозных чувств, выводя из этого, что те, кого именуют «атеистами», являются таковыми «лишь номинально» [Юм 1996, 344, 472]. В том же столетии барон Гольбах придет к выводу, что все дети рождаются прирожденными атеистами («*Le Bon Sens*», 1772 г.) и, соответственно, что в действительности могут существовать только «номинальные верующие», поскольку рожденный в Москве становится «православным», а в Мекке – «магометанином».

Спустя еще 150 лет этот тезис Гольбаха с энтузиазмом был воспринят в СССР, где почти до конца 1980-х гг. велась борьба не только со всем «сверхъестественным» («поповщиной» и т.п.), «чуковщиной» (включая все сказки), но и с «верующими», которые были признаны «отмирающим» социальным явлением. Наряду с устрашением последних путем прямых репрессий и, помимо прочего, «перевоспитания фанатиков» в СЛОНе (Соловки, 1923–1933) и т.п. учреждениях, власть прибегала к различным формам «мягкого воздействия» в диапазоне от массовых публицистических изданий до «антирелигиозной фильма» как части «важнейшего из искусств». Тем не менее, как ни парадоксально, именно в советском кинематографе второй половины XX в. А.А. Тарковским, одним из наиболее известных в мире режиссеров «первого в мире атеистического государства», были созданы уникальные по силе воздействия шедевры «религиозного кинематографа», например фильм «Андрей Рублев» («Страсти по Андрею», 1966 г.), где тематика «народной смеховой культуры» органично сочетается

с предельно серьезными образами народа как «страстотерпца» и «мыслителя» [Такахаши 2011, 75, 79, 80].

Именно в XX в. произошла радикальная трансформация социального статуса атеизма. Если первая перепись населения Российской империи (1897 г.) предусматривала только «вероисповедную» идентичность (возможность существования россиян-атеистов полностью игнорировалась), то перепись 1937 г. стремилась показать успехи 20 лет советской власти и «пятилетки безбожия», статистически зафиксировав факт «отмирания религии», что, однако, оказалось провальным. В эти же десятилетия были опубликованы первые в мире многотомные исследования, описывавшие «историю атеизма» (Fritz Mauthner, «Der Atheismus und seine Geschichte im Abendlande», 1920–1923 гг.; И.П. Вороницин, «История атеизма», 1927–1930). А.В. Кожев в 1931 г. начал изучение парадоксов буддизма как «атеистической религии», выделив «религиозную» и «атеистическую» установки, присутствующие в «живой интуиции всякого нормального человека» («Атеизм и другие работы», 2007 г.). Сегодня и религия, и атеизм признаются всемирными феноменами в исследованиях как российских, так и международных центров, в одном из которых более чем 50 000 респондентов из 57 стран предложили независимо от того, «посещают ли они тот или иной храм», отнести себя к «religious person», «not a religious persons» или «convinced atheist» [WIN-Gallup 2012 web].

Этот и ряд других опросов показали рост в мире числа тех, кто относит себя к категории «атеист», при этом часть из них указывали, что они сами или члены их семей являются прихожанами какого-либо храма. Таким образом, хотя христианство начиналось как καθολικὴ Ἐκκλησία и общины евхаристии, сегодня посещение храма перестало считаться социологами признаком религиозной идентичности личности. Исследователи, интерпретируя атеизм и религию в терминах собственного Я2, стремятся провести рациональный анализ того, что в семиотике получило наименование денотатов и коннотатов, стоящих за определенными терминами (лексемами), обозначая не только утвержденные властями институции, будь то «Catholica Ecclesia» в Риме или «Союз воинствующих безбожников» в Москве и соответствующие Я2, но и особые, тысячелетиями воспроизводящиеся формы спонтанно формирующейся идентичности, вплоть до «православного атеизма» академика Л.Н. Митрохина (1930–2005) и соответствующего Я1. Требуется принять в качестве рабочих для данного текста предельно широкие определения атеизма (атеистичности) и религии (религиозности), позволяющие связать Античность и современность в преемственную систему, поскольку, как отметил В.К. Шохин, в истории человечества всегда совмещалось развитие «теологии... и атеологии», сочетавшее «программу критики религии... с программами ее “апологии”» [Шохин 2018, 62, 68].

Сегодня происходит отказ от амбициозных проектов «grand theory» и их Я2. Сформулированные в XVIII – XX вв., они претендовали на редукцию феноменов религии и атеизма к одной из концепций, якобы обеспечивающих исчерпывающую универсальность и глобальность. С отказом от такого рода «метафизики» наметился переход к более гибким подходам «grounded theory» («приземленная теория», «обоснованная теория»), где эмпирическое и теоретическое находятся в непрерывной взаимообусловленности [Васильева 2001, 225]. Современное религиоведение признает своим предметом религию как «стремление непосредственно и осязаемо прикоснуться к “зазеркальному”, запредельному, тайному, вечному, изначальному», считая важным преодолеть распространенные стереотипы о противостоянии религиозного и светского в культуре, обратив внимание на их органическую связь с позиций «метарелигиоведения» [Писманик 2019, 33, 42, 81].

3. Реконструкция «глокальных» различий «религиозности» и «атеистичности»

В «глокальной» перспективе предполагается построение своего рода «grounded theory», реконструирующей этапы формирования глобальных различий феноменов «религиозности» и «атеистичности», обретавших институциональные формы в локальных обстоятельствах истории Афин, Рима, Москвы и ряда других влиятельных урбанистических центров мира. Особенности такой «непрерывно обосновываемой концепции», представленной в специальных Я2, позволяют применить к феноменам «религиозности» и «атеистичности» эвристичный подход Н. Лумана, который полагал, что религию корректно понимать как различие «знакомого и незнакомого», позволяющее надзирать «за границей с неизвестным» [Луман 2006, 64, 61–62]. В таком контексте элементарные феномены «религиозности» и «атеистичности» определяются не в свете традиционных различий «идеализма» и «материализма» или «веры» и «разума», но именно через дистанцирование «известного» и «неизвестного» как «освоенного» и «незнакомого», которые лишены мистического характера, оставаясь в рамках здравого смысла и научного дискурса.

На протяжении многих тысячелетий наши предки научились осваивать природу, трансформировались в сообщество Homo Sapiens, освоившее всю планету благодаря способности коммуницировать. Исследователи полагают, что язык эволюционировал не только как собственно «коммуникативная система», но и как попытки «построения образа реального мира», что позволило «создавать возможные миры в уме», именуемые магией, религией, философией или наукой [Хомский, Бервик 2018, 101, 126].

Остановимся лишь на некоторых семиотических аспектах этих реалий. Первый связан с собственно коммуникативным содержанием (коннотатами), ассоциируемым с упомянутыми словами (лексемами), тогда как второй – с «возможными мирами в уме», стремящимися сконструировать общую для всех (объективную) «картину мира» (денотатами). В целом, как отметил В.А. Бажанов, «язык является активным инструментом познавательных операций», где «слова – не просто “бирки”... а единицы анализа, осуществляющие категоризацию реальности», что позволяет говорить о перспективах «нейротеологии», толкующей особенности религии в терминах описания «нейробиологических структур», выявляя ряд экспериментальных отличий «верующих» и «неверующих», поскольку у последних «доминирует аналитический стиль мышления, который обычно не оставляет места “сверхъестественному”» [Бажанов 2019, 59, 112, 116].

Б. Малиновский, один из классиков современной антропологии, опираясь на левые исследования, показал, что не существует обществ без религии, магии и науки, основанных на различии «неизвестного» и «освоенного» («Magic, Science and Religion», 1925 г.). В терминах такого Я2 феномены, именуемые «магией», «религией» и «наукой», могут быть описаны как сочетание непосредственных переживаний индивидом, с одной стороны, своей прирожденной «атеистичности» (самодостаточности, уверенности в собственных силах и навыках овладения миром), и, с другой, не менее прирожденной «религиозности». Последняя понимается не только как страх перед всем неизвестным, требующим неусыпного «надзирания» (Луман), но и как описанный у животных еще И.П. Павловым (1849–1936) «ориентировочный инстинкт», который в человеческих сообществах реализуется в конструировании символических «картин мира», начиная с мифа. Все они воплощают надежду на освоение «таинственных сил», порождая «радость» и «ликование» в случае подтверждения такой поддержки и, наоборот, «плачи» и «разочарования» в случае отсутствия такого подтверждения, что фиксируется уже в древнейших из известных нам памятниках «восточной литературы мудрости» («Песнь арфиста» и др.) [Архимандрит Сергей (Акимов) 2010, 106–127].

В таком глобальном горизонте традиционно подчеркиваемая «иррациональность» религии не противостоит «рациональности» науки, но требует более широкого понимания самой «рациональности», оказывающейся, как отмечает И.Н. Яблоков, неразрывно связанной с религией, соответствующим «объяснением мира» и «повседневной

этикой», позволяя религии «быть способом практического овладения действительностью, обеспечить господство человека над обстоятельствами повседневной жизни» [Яблоков 2020, 53–54]. Ниже мы предельно схематично охарактеризуем некоторые базовые термины и соответствующие лексемы (магия, миф, религия, философия, наука), опираясь на национальные версии Википедии (на 23.06.2020), академический ресурс «Национальный корпус русского языка» (далее – НКРЯ, новая версия) и специальную исследовательскую литературу, то есть рассмотрим пересечения глобального и локальных контекстов.

4. «Магия», «медизм» и «сказки»: дистанцирование «религиозности» и «чародейства»

Древнейшей из перечисленных выше базовых лексем и единственной из них, входящей в индоевропейский лексикон, является слово «магия». Оно выступает как кириллическая транслитерация ряда терминов европейских языков, восходящих к греческой лексеме «μαγεία», и представлено в «Вики» на 84 языках. В русском языке оно, согласно данным НКРЯ, присутствует в 423 текстах, фиксируясь с 1733 г., не встречаясь в древнерусском языке, где, тем не менее, с XIII в. фиксируется слово «маг», связанное с образом евангельского Симона Волхва (Σίμων ὁ μάγος) [Mag 1982, 5]. В евангельском предании присутствует двойственное отношение к термину «магия»: с одной стороны, заметна негативная коннотация, связанная с упомянутым Симоном (Деян. 8:9–24), тогда как, с другой, позитивно дан известный сюжет о «поклонении волхвов» (μάγοι ἄπὸ ἀνατολῶν, «магов с Востока», Мф. 2:1–11). Утверждение сообщества «καθολικὴ Ἐκκλησία» / «Catholica Ecclesia» в качестве единственно «истинной религии» в Римской империи сопровождалось периодическими гонениями на «магов» («колдунов», «чароде-ев» и т.п.), вплоть до кровавой «охоты на ведьм» в Европе XV–XVII вв.

Почти за 400 лет до начала христианской истории у Платона встречается упоминание о μαγείᾳ ἢ Ζωροάστρου («магия Заратустры» – «Алкивиад Первый», 122a1), понимаемой «почитание богов», нормативное для империи персидской династии Ахеменидов. Аристотель позднее писал про ἡ ψοφικὴ μαγείᾳ («обман магии»), что, возможно, отражало переоценку таких практик «почитания» и «медизма» в целом, вызванную победой над персами Александра Македонского (334–331 гг. до н.э.), что традиционно трактовалось в древних цивилизациях как «богооставленность» побежденной стороны. Именно военные победы оценивались как результат «богоизбранности» и «религиозности» спартанцев («Алкивиад Второй», 149в), позднее у Цицерона и латинян («De natura deorum», 2, III, 8). С другой стороны, феномен магии коннотировал с преступной и аморальной деятельностью, а одно из первых упоминаний о «чародействе» встречается в «законах Хаммурапи» (ок. 1700 г. до н.э.). В них нормы публичной, рациональной, искренней и бескорыстной справедливости закона («Правды», поддерживаемой царем и государственными божествами, именно «религии») противопоставлены практикам индивидуального, эгоистичного и, соответственно, «безбожного» колдовства («кривды», «лжи»); при этом того, кто ложно обвинит человека в чародействе, «должно предать смерти» [Волков 1914, 22].

В XIX в. В.И. Даль отметил коннотацию магии с использованием «тайных сил природы... вообще не признанных естественными науками», противопоставляя ее уже не только «религии», но и «наукам» [Даль 1955, 288]. В конце того же столетия Дж. Фрезер сформулировал академическое понимание социальных феноменов, именуемых лексемой «магия». Ее как собирательное обозначение практик «овладения силами» и «культов дикарей» стали противопоставлять религии как собирательному обозначению практик умиловительного «почитания богов» («благочестию цивилизованных народов») и научному исследованию («The Golden Bough: A Study in Magic and Religion», 1890 г.). А.В. Петров обратил внимание на социологические аспекты использования лексемы «магия» в эллинистической культуре как «клише», применявшееся «для того, чтобы очернить противника» [Петров 2003, 19–21].

Помимо собственно политических и исторических аспектов данная тематика имеет и онтогенетический аспект. Одним из первых в мире его отметил К.И. Чуковский, писавший в 1911 г., что для каждого маленького ребенка «чудеса реальны... звери умеют говорить, а под кроватью живут страшные чудовища, которых надо умилиловать» [Лукьянова web]. Современный психолог Е.В. Субботский отмечает, что на первый взгляд в современной культуре «колдовство и вызывание духов... превратились в сказки», однако наблюдения показывают, что «иррациональный и рациональный типы реальностей сосуществуют в индивидуальном сознании во все периоды онтогенеза» [Субботский 2007, 6–7, 13]. Таким образом, слово «магия» уже около 4000 лет используется для маркировки «религии чужеземцев (персов)», «культов дикарей», «тайн высшей мудрости», «шарлатанства для простаков», «преступного чародейства» и «детского волшебства», то есть возвышенных, девиантных или маргинальных социальных феноменов.

5. Поэзия, «атеизм», «религия», «наука» и «высший порядок природы»

Лексема «атеизм» значительно популярнее в Википедии, чем «магия», она присутствует в статьях на 151 языке, но при этом уступает более распространенным в глобальной культуре словам «философия» (210), «религия» (210) и «наука» (217). НКРЯ представляет 231 текст с этим словом. Являясь кириллической транслитерацией ряда европейских терминов эпохи Реформации, восходящих к греческой лексеме ἄθεος, этот термин около 1000 лет переводился на русский язык как собирательное обозначение всего, что не входило в евхаристическое единство с «Церковью», представлялся как однозначно гибельное «безъбожество» и фиксировался как отдельный «книжный» термин с 1718 г. («аеисты», Феофан Прокопович, НКРЯ). В этом же столетии в российском лексиконе появляется целый ряд других «ученых» терминов, включая лексемы «религия» и «наука». Слово «наука» сегодня является самым представительным из рассматриваемых нами терминов в Википедии, присутствуя в статьях на 217 языках (в НКРЯ – 5297 текстов), исторически формируясь на основании лексемы «навык» («наукъ», «науокъ»), встречающейся в русском языке с XI в. для обозначения, помимо прочего, формируемого церковью «навыка страха Божия», позволяющего «все преодолеть» («наукъ имѣши о грѣсѣхъ, наложи на страхъ бжи и муки вѣчныя и прѣдолѣши всяко») [Наукъ 1983, 291–292].

С XVIII в. данная лексема и умение «все преодолеть» начинают коннотировать преимущественно с «опытом обоснованного знания» (1733 г., В.Н. Татищев, НКРЯ). При этом подлинную науку («физика», «естествоиспытание»), приносящую реальную пользу и богатство, Татищев противопоставляет бесполезному и разорительному «баснословею», примером которого выступает «алхимия» («делание золота»). Формируется противостояние универсальной науки и локальных конфессиональных доктрин с периодически возникавшими обвинениями первой в «аеизме», поскольку словом «religio» в Европе после Вестфальского мира (Pax Westphalica, 1648 г.) стали собирательно именовать именно государственные «вероисповедания», которые дистанцировались друг от друга особенностями теологии; согласно первому изданию «Encyclopædia Britannica», лексема «religion» начинает коннотировать именно с «theology» (1771 г.). В таком социальном контексте происходит отделение универсальной «философии» (НКРЯ содержит 1801 текст с этой лексемой) от конфессиональных форм локально утвержденной «theology» (в НКРЯ – 93 текста с лексемой «теология» и 269 – «богословие»).

Современное слово «религия» (в НКРЯ – 1540 текстов) является кириллической транслитерацией ряда европейских лексем, восходящих к латинскому слову «religio», и входит в русский язык в начале XVIII в. [Аринин 2017, 27]. Эта латинская лексема, в свою очередь, получает распространение в эпоху Цицерона, отмечавшего, что ею обозначается поклонение «высшему порядку природы, который называется божественным» [Шохин 2010, 278]. У. Фуллер (1847–1921) заметил, что в латинских

текстах можно выделить два основных значения слова «*religio*», первое из которых, по его мнению, древнейшее, фиксирует чувство страха (беспокойство, сомнения и т.п.), возникающее при внезапном столкновении «лицом к лицу с аномальным» («зловещим»), тогда как второе – «отношение гражданина государства к сверхъестественному, осуществимое без страха и сомнений в формах признанных божеств его государства» [Fowler 1911, 7, 10]. Цицерон считается создателем и латинского термина «*Atheos*» для собирательного обозначения философов и школ, общим для которых было то, что они отрицали принятые представления о «высшем порядке природы».

Вместе с тем, древнегреческое слово *ἄθεος* первоначально фиксируется в текстах не философов, но поэтов (Пиндар, Эсхил и Софокл), обозначая тех, кто «лишен божества», а не «мыслителя, отрицающего богов» [Шахнович 1992, 35]. Так, Пиндар в «Пифийских песнях» (462 г. до н.э.) упоминал о «безбожных мачехиных стрелах», а некоторые исследования выявляют этот термин у Вакхилида (ок. 518 – ок. 450 до н.э.), относя его появление к 480 г. до н.э. [Meert 2017, 47]. Такая «безбожность/атеистичность» стрел или любых других феноменов была, видимо, обусловлена коннотацией их с принадлежностью к «чужой» общине, поддерживаемой «враждебными» божествами. Так, за 200 лет до Вакхилида Гесиод писал о втором поколении («серебряного века») людей, которые, «от гордости дикой» не почитали олимпийцев («Труды и дни», 135–138). При этом для Гесиода и Гомера лексема «*θεός*» коннотировала не только с «бессмертными» существами вообще, но именно со сторонниками Зевса («зевсовыми олимпийцами»), победителями в глобальной «теомахии» («битве богов», «богоборчестве»).

Люди наделялись качеством *ὑβρις* («дерзость», «гордость», «наглость»), позволявшим стать героями и, неизбежно, «богоборцами», выступая за одних «бессмертных» против других, когда, к примеру, Афина помогает Диомеду «с медным копьем» напасть на помогавшего троянцам бога войны Ареса («Илиада», V-855). Коннотации с трагической поэтикой переживания «опыта без-божия» и «богооставленности», как отмечал митрополит Антоний (Сурожский, 1914–2003), входят и в евангельское предание, где приводятся парадоксальные слова: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27:46). Сохраняется она и в современной России, где сочетание «ликования» и «плача» воплощались, к примеру, в знаменитых образах «клоунады» В.И. Полунина («Низзя», 1984) или «миниатюр» М.М. Жванецкого («Государство и народ», 1988), выступавших как «лучик света», оживляющий этот «брошенный, брошенный, брошенный Богом мир» («Машины не парковать», 2009).

Таким образом, термины «атеизм» и «религия» (родственные им лексемы) более 2500 лет используются для маркировки дистанцирующихся представлений о «высшем порядке природы», восходя к переживанию «опыта» индивидов и социальных институтов, амбивалентно трактуемого как сочетание губительного трагизма «богооставленности» и спасительной дерзости «теомахии», то есть возвышенных, девиантных или маргинальных социальных феноменов, символически маркирующих солидарное различие в действительности «освоенного» от «незнакомомого» и «Правды» от «лжи».

Источнику – Primary Sources and Translations

Атеизм 1890 – Атеизм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. II (3). Араго – Аутка. СПб.: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1890 (*Atheism, vocabulary entry 1890*).

Атеизм web – Атеизм. URL: <https://azbyka.ru/ateizm> (*Atheism, vocabulary entry 2020*).

Даль 1955 – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Гос. изд-во иностран. и национальн. словарей, 1955. Т. 2 (Dal', Vladimir, *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*).

Луман 2006 – Луман Н. Дифференциация / Пер. с нем. Б. Скуратова. М.: Логос, 2006 (Luhmann, Niklas, *The Differentiation, Russian Translation*).

Луман 2012 – Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2012 (Luhmann, Niklas, *The Reality of the Mass Media, Russian Translation*).

Маг 1982 – Маг // Словарь русского языка XI–XVII. Вып. 9. М.: Наука, 1982 (Russ. 'mag' (11th–17th Centuries), *vocabulary entry*).

Наука 1983 – Наука // Словарь русского языка XI–XVII. Вып. 10. М.: Наука, 1983 (Russ. ‘наук’ (11th–17th Centuries), vocabulary entry).

Юм 1996 – Юм Д. Сочинения. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996 (Hume, David, *Works*, Russian Translation).

Primary Sources

Fowler, Warde W. (1911) “The Latin History of the Word “Religio””, *The Religious Experience of the Roman People from the Earliest Times to the Age of Augustus*, Macmillan and Co., Limited, London, pp. 7–14.

Meert, Alexander (2017) *Positive atheism in Antiquity: a social and philosophical analysis (500 BC – 200 AD)*, Ghent University. Faculty of Arts and Philosophy, Ghent.

WIN-Gallup (2012) *International Global Index of Religiosity and Atheism*, URL: <https://sidmennt.is/wp-content/uploads/Gallup-International-um-tr%C3%BA-og-tr%C3%BAleysi-2012.pdf>

Ссылки – References in Russian

Аринин 2017 – Аринин Е.И. Религия, философия религии и «глокальное религиоведение»: между «экзотикой», «совестью» и «профессионализмом» (к дискуссиям на Конгрессах российских исследователей религии) // *Вопросы философии*. 2017. № 4. С. 25–36.

Архимандрит Сергей (Акимов) 2010 – *Архимандрит Сергей (Акимов)*. Древнеегипетский «Разговор разочарованного со своим Ба» и библейская Книга Екклесиаста // *Труды Минской духовной академии*. 2010. № 8. С. 106–127.

Бажанов 2019 – *Бажанов В.А.* Мозг – культура – социум: кантианская программа в когнитивных исследованиях. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019.

Васильева 2001 – *Васильева Т.С.* Обоснованная теория в поле качественного исследования // Страусе А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. с англ. и послесл. Т.С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 225–250.

Волков 1914 – *Волков И.М.* Книга Законы вавилонского царя Хаммураби. М.: Скоропечатня А.А. Левенсон, 1914.

Каариайнен, Фурман 1997 – *Каариайнен К., Фурман Д.Е.* Верующие, атеисты и прочие (эволюция российской религиозности) // *Вопросы философии*. 1997. № 6. С. 35–52.

Лукьянова web – *Лукьянова И.* Не отрывайте хвосты головастикам. URL: http://www.semyagastet.ru/razd/detskaja_vera/

Петров 2003 – *Петров А.В.* Феномен теургии: Взаимодействие языческой философии и религиозной практики в эллинистическо-римский период. СПб.: РХГИ: СПбГУ, 2003.

Писманик 2019 – *Писманик М.Г.* Религия в культуре и в гражданском единении. Пермь: Пермский гос. ин-т культуры, 2019.

Русс 2015 web – *Русс К.* Великий пост в России: статистика. Беседа с аналитиками исследовательской службы «Среда». URL: <https://pravoslavie.ru/78328.html>

Субботский 2007 – *Субботский Е.В.* Строящееся сознание. М.: Смысл, 2007.

Такахаси 2011 – *Такахаси С.* «Андрей Рублев» А. Тарковского: Интерпретация русской истории в контексте советской культуры // *Acta Slavica Iaponica*. 2011. Vol. XXIX. P. 65–86.

Хомский, Бервик 2018 – *Хомский Н., Бервик Р.* Человек говорящий. Эволюция и язык. СПб.: Питер, 2018.

Шахнович 1992 – *Шахнович М.М.* Парадоксы античного атеизма: проблемы и мнения // Диспут. 1992. № 1. С. 32–46.

Шахнович 2000 – *Шахнович М.М.* Парадоксы теологии Эпикура. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000.

Шохин 2010 – *Шохин В.К.* Философия религии и ее исторические формы (античность – конец XVIII в.). М.: Альфа-М; ИФ РАН, 2010.

Шохин 2018 – *Шохин В.К.* История философии религии в пространстве трилеммы // *Вопросы философии*. 2018. № 9. С. 60–74.

Яблоков 2020 – *Яблоков И.Н.* Методология исследования религии в философии и социологии Макса Вебера // *Вопросы философии*. 2020. № 5. С. 49–56.

References

Arinin, Evgenyi I. (2017) ‘Religion, philosophy of religion and “glocal religious studies”’: between “exotic”, “conscience” and “professionalism” (for discussions at the Congresses of Russian religious scholars) // *Voprosy Filosofii*, Vol. 4, pp. 25–36 (in Russian).

Arkhimandrit Sergij (Akimov) (2010) ‘The Ancient Egyptian “Conversation of the Disappointed with His Ba” and the Biblical Book of Ecclesiastes’, *Trudy Minskoi dukhovnoi akademii*, Vol. 8, pp. 106–127 (in Russian).

Bazhanov, Valentin A. (2019) *Brain – Culture – Society: The Kantian Program in Cognitive Research*, Kanon+ et al., Moscow (in Russian).

Chomsky, Noam, Berwick, Robert C. (2016) *Why Only Us? Language and Evolution*, MIT Press, Cambridge, MA (Russian Translation 2018).

Kääriäinen, Kimmo, Furman, Dmitry E. (1997) “Believers, atheists and others (evolution of Russian religiosity)”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 6, pp. 35–52 (in Russian).

Lukyanova, Irina (n.d.) “Do not tear off the tails of the tadpoles”, URL: http://www.semya-rastet.ru/razd/detskaja_vera/ (in Russian).

Petrov, Andrey V. (2003) The phenomenon of theurgy: The interaction of pagan philosophy and religious practice in the Hellenistic-Roman period, RKhGI, SPbGU, Saint Petersburg (in Russian).

Pismanik, Matvey G. (2019) *Religion in Culture and Civic Unity*, Permskiy gosudarstvennyi institut kulture, Perm’ (in Russian).

Russ, Kseniya (2015) “Quadragesima in Russia: statistics. Conversation with analysts at the Sreda research service”, URL: <https://pravoslavie.ru/78328.html> (in Russian).

Shakhnovich, Marianna M. (1992) “The paradoxes of ancient atheism: problems and opinions”, *Disput*, Vol. 1, pp. 32–46 (in Russian).

Shakhnovich, Marianna M. (2000) *The paradoxes of theology of Epicurus*, Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, Saint Petersburg (in Russian).

Shokhin, Vladimir K. (2010) *The philosophy of religion and its historical forms (antiquity – the end of the XVIII century)*, Alfa-M, IPhRAS, Moscow (in Russian).

Shokhin Vladimir K. (2018) “History of Philosophy of Religion in the Space of Trilemma”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 9, pp. 60–74 (in Russian).

Subbotskij, Evgenij V. (2007) *Consciousness Under Construction*, Smysl, Moscow (in Russian).

Takahashi, Sanami (2011) “Andrei Rublev by A. Tarkovsky: Interpretation of Russian History in the Context of Soviet Culture”, *Acta Slavica Iaponica*, Vol. XXIX, pp. 65–86 (in Russian).

Vasilyeva, Tatyana S. (2001) “Grounded theory in the field of qualitative research”, Strauss, Anselm, Corbin, Juliet, *Basics of Qualitative Research*, Russian Translation, URSS, Moscow, pp. 225–250 (in Russian).

Volkov, Ivan M. (1914) *Book of Laws of the Babylonian King Hammurabi*, A.A. Levenson, Moscow (in Russian).

Yablokov, Igor N. (2020) “Methodology for the Study of Religion in Max Weber’s Philosophy and Sociology”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 5, pp. 49–56 (in Russian).

Сведения об авторах

АРИНИН Евгений Игоревич –

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии
и религиоведения Владимирского государственного
университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

ГЛАГОЛЕВ Владимир Сергеевич –

доктор философских наук, профессор
кафедры философии им. А.Ф. Шишкина
Московского государственного института
международных отношений (Университета)
МИД России.

МАРКОВА Наталья Михайловна –

кандидат философских наук, доцент
кафедры философии и религиоведения
Владимирского государственного университета
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Authors’ Information

ARININ Evgenyi I. –

DSc in Philosophy, Professor, Head
of the Department of Philosophy
and Religious Studies of Vladimir State University
named after A.G. and N.G. Stoletov.

GLAGOLEV Vladimir S. –

DSc in Philosophy, Professor,
A.F. Shishkin Department of Philosophy,
MGIMO University.

MARKOVA Natalia M. –

CSc in Philosophy, Associate Professor
of the Department of Philosophy
and Religious Studies of Vladimir State University
named after A.G. and N.G. Stoletov.